

Н. С. Павлова

ПРИРОДА
РЕАЛЬНОСТИ
В АВСТРИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

STUDIA PHILOLOGICA

Н. С. Павлова

ПРИРОДА
РЕАЛЬНОСТИ
В АВСТРИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 83.3(0)5

П 12

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального министерства науки, образования
и культуры республики Австрия

Павлова Н. С.

П 12 Природа реальности в австрийской литературе. — М.:
Языки славянской культуры, 2005. — 312 с. — (Studia philo-
logica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0106-3

Книга посвящена особому пониманию реальности в австрийской литературе. В текстах этой литературы неизменно повторялись, каждый раз в ином воплощении, два трудно соединимых качества — доверие к жизни, рождавшее в некоторые эпохи почти невыносимый оптимизм, и ощущение ее неустойчивости, зыбкости, трагичности. Знаки нетвердости повторялись в венских народных комедиях и в зыбких идилиях Штифтера, в двоящемся языке Кафки и в твердо описанной, но сгнувшейся, как мираж, картине австрийской монархии у Р. Музиля. Автора книги занимал смысл колебаний этой литературы между двумя ее полюсами, соответствие формы жизни и форм литературы. Материалом служило творчество крупнейших австрийских писателей — Грильпарцера, Штифтера, Кафки, Канетти, Хорвата, Музиля, Бернхарда, Целана при особом внимании к отношениям австрийской, немецкой и русской культур.

ББК 83.3(0)5

В оформлении переплета использован фрагмент картины Г. Климта «Древо жизни»

Нина Сергеевна Павлова

ПРИРОДА РЕАЛЬНОСТИ В АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета Ю. Саевича и С. Жигалюна.

Корректор Т. Марелло. Оригинал-макет подготовлен А. Камкиным

Подписано в печать 14.09.2005. Формат 60х90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Баскервил.

Усл. печ. л. 20. Тираж 1000. Заказ № 5576.

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Phone: 207-86-93 Fax: 246-20-20 (для аб. М153)

E-mail: lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
из ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова,
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2

© Н. С. Павлова, 2005

© Языки славянской культуры, 2005

Содержание

Предисловие.....	9
О характере австрийской литературы.....	13
«Кроткий закон».....	47
Грильпарцер и русский символизм	60
Характер конфликта в новеллах Марии Эбнер-Эшенбах.....	84
Образ Вены в русской культуре (1890—1910)	92
«Записки Мальте Лауридса Бригге» Р. М. Рильке как образец романной прозы XX века	110
«Покой и молчание» Г. Тракля (к вопросу о неклассическом типе художественного целого) (Совм. с С. Н. Бройтманом)	133
Форма речи как форма смысла: «Процесс» Фр. Кафки	148
Элиас Канетти. «Ослепление»	169
Театр Хорвата и его законы	198
О свойствах романа Музиля «Человек без свойств».....	234
Реальность и жанр у Бернхарда	268
Об одном стихотворении Пауля Целана и Осипе Мандельштаме	298
Вместо заключения	308
Предшествующие публикации.....	312

*Памяти
Вольфганга Крауса*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Австрийская литература занимает особое положение среди литератур мира. Язык и глубокая общность связывает ее с культурой других немецкоязычных стран (прежде всего Германии). И в то же время это литература от немецкой отличная, в ряде случаев она более близка литературе русской и другим литературам Европы. Австрийской культуре свойственно глубокое и своеобразное понимание жизни. Это понимание естественно меняется с ходом времени. Но некоторые исходные его черты передаются от эпохи к эпохе, отражаясь в текстах культуры более явственно, чем неопределенность национального характера, или «менталитета».

От века к веку в австрийской литературе и в жизни страны неизменно повторялись два трудно совместимых качества. Со времен Средневековья жизнь на австрийских землях воспринималась, несмотря на потрясения, как установленный и нерушимый порядок, как дар Бога, который оставалось только беречь и преумножать. Смысл жизни таился в ней самой. Такое сознание рождало, писал А. В. Михайлов, «почти неслыханный оптимизм» этой литературы (исследователь имел в виду прежде всего австрийскую классику)¹. Но истоки такого жизнелюбия сложны и в своей полноте вряд ли уловимы. Впоследствии Макс Вебер видел главную причину подобной успокоенности в католической

¹ А. В. Михайлов. Из источника великой культуры // Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX—XX веков в русских переводах. М., 1998. С. 20.

конфессии, противопоставляя ей подвижность и предприимчивость протестантизма².

Но вера в раз установленный твердый порядок — лишь одна сторона представления о реальности в австрийской литературе. Органически сочетаясь с первой, в ней существует и прямо противоположное начало. Жизнь, вызывавшая к себе доверие, представляла одновременно способной к превращениям — многоголкой, неустойчивой, нетвердой, зыбкой.

Еще на рубеже XII—XIII веков Вальтер фон дер Фогельвейде написал строчки, замечательные не только своей поэтичностью, но своим знаковым характером для австрийской литературы:

Owe war sint verswunden all mine iar:
ist min leben getrömet oder ist es war...

О, где исчезли все мои годы:
Снилась ли мне моя жизнь или она была...

В дальнейшем те же знаки нетвердости повторялись почти в каждом выдающемся произведении этой литературы: в народных комедиях, в пьесах Раймунда («Крестьянин-миллионер», 1826), в зыбких идилиях Штифтера, в пьесах Грильпарцера, одна из которых называется (с несомненной памятью о Кальдероне) «Жизнь-сон» (1834). И дальше — в двоящемся языке Кафки, в знаменитой пьесе Гофманшталя «Трудный характер» (1920) и в его либретто к опере «Кавалер роз», которые сам автор отказывался понимать иначе, чем «документы австрийской сущности»³; в соединении «двух действительностей» в камерном мире Шницлера, в романе Музиля «Человек без свойств» (1943), иронически обыгрывавшем «крепость» австрийской монархии, — и так вплоть до нашего времени. Зыбкость оборачивалась не толь-

² Max Weber. Die Protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Tübingen, 1904—1905.

³ Hugo von Hofmannsthal. Gesammelte Werke. Hg. Von B. Scholler in Beratung mit R. Hirsch. Reden und Aufsätze. Bd. 2. 1914—1924. Frankfurt am Main, 1979. S. 476.

ко отсутствием твердости, но и снятием границ, соприкосновениями малого с бесконечным (Рильке) или трагическими парадоксами в творчестве Бернхарда.

Движущаяся жизнь и движущаяся литература не укладываются, без существенного «остатка», в самые продуманные и тщательно разработанные концепции их развития. Исключением не является даже знаменитая книга Клаудио Магриса «Габсбургский миф в австрийской литературе» (*C. Magris. Der habsburgische Mythos in der österreichischen Literatur*, 1966), объяснявшего характер австрийской словесности зависимостью от владычества Габсбургов. Книга Магриса восхищала остротой мысли. Но она же вызывала несогласие. «Австрийская литература — пленница австрийского мифа?»⁴ — сформулировал свое сомнение зальцбургский профессор Вальтер Вайс.

Для автора данной книги главный интерес составляет обозначенная А. В. Михайловым проблема глубокого соответствия «внутреннего устройства литературы» и «внутренней устроенности жизни». Жизнь, писал Михайлов, постоянно творит свои внутренние формы, свой «endon eidos» — свой увиденный (обозначившийся) образ — «и эта внутренняя форма творит органически подобающее себе выражение...»⁵. Или, другими словами: «Внутреннее устройство произведений эпохи отражает устроенность самой эпохи (как почвы культуры)»⁶.

«Двуликость реальности» возникает в главах книги, следуя за ходом литературы и выраженной ею «внутренней формы» жиз-

⁴ *Walter Weiss. Österreichische Literatur — eine Gefangene des habsburgischen Mythos? // Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Jg. 43. 1969. См. также статью Мартина Штерна, отрицающую зависимость крупнейшего австрийского писателя XX века Г. фон Гофмансталя от «габсбургского мифа». — Hofmannsthal und das Ende der Donaumonarchie // Die Österreichische Literatur. Ihr Profil von der Jahrhundertwende bis zur Gegenwart (1880—1980). Graz, 1989. S. 727.*

⁵ *А. В. Михайлов. Обратный перевод. М., 2000. С. 123. Далее ссылки на это издание в скобках в тексте.*

⁶ *А. В. Михайлов. Проблема анализа перехода к реализму в литературе XIX века. М., 1980. С. 107.*

ни. Видоизменяясь порой до неузнаваемости, эта «форма» проявляется в связи с вопросами и задачами разных художественных эпох и творчеством разных писателей. Занимаясь творчеством выдающихся писателей, представленных в книге с разной степенью подробности, автор считал своей целью постижение смысла постоянных колебаний этой литературы между двумя ее полюсами⁷.

⁷ Автор опирался на зарубежные исследования, по-разному подходившие к данной проблеме: *Oskar Benda*. Die Österreichische Kulturidee. Wien, 1936; *Alfred Doppler*. Geschichte im Spiegel der Literatur. Aufsätze zur österreichischen Literatur des 19. Und 20. Jahrhunderts. Innsbruck, 1990; *Joseph P. Strelka*. Zwischen Wirklichkeit und Traum. Das Wesen des Österreichischen in der Literatur. Tübingen und Basel, 1994. *Werner M. Bauer*. Die deutschsprachige Literatur Österreichs nach 1945 // *Herbert Zeman*. Literaturgeschichte Österreichs. Graz, 1996 (обзор литературы, с. 514—516).

О ХАРАКТЕРЕ АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Начать нужно с того, чтобы в общих чертах определить место литературы Австрии среди литератур мира. Вплоть до XX века редко осознавалась ее неповторимое своеобразие: чаще всего она воспринималась как часть немецкой литературы. Но и сама австрийская литература, да и культура в целом часто молчали о себе, заявляя о своем существовании лишь творчеством своих великих писателей, композиторов, художников. Показательно, что опыты создания истории австрийской литературы предпринимались редко и были завершены вплоть до конца XX века лишь трижды: в 1849 году вышла однотомная история австрийской литературы Йозефа Тоскано делья Баннера; многотомная «Немецко-австрийская история литературы», начатая в 1889 году, была доведена многочисленными ее авторами до завершения в 1937 году; наконец, Йозеф Надлер выпустил в 1948 году свою «Историю литературы Австрии»¹. Только с конца XX века в Австрийской республике выходят фундаментальные истории отечественной словесности². Но и в 1997 году в Германии проходит конференция, посвященная не снятой с повестки дня проблеме: «Сколько существует немецких литератур?»³

¹ См. об этом: *Herbert Zeman* (HG). *Literaturgeschichte Österreichs*. Graz, 1996. S. VII—VIII.

² *Geschichte der Literatur in Österreich von den Anfängen bis zur Gegenwart* / Hrsg. von H. Zeman. In 7 Bdn. Graz, 1999.

³ *Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft*. Stuttgart, 1997. S. 551—567.

Разумеется, молчание австрийцев о своеобразии своей литературы было не абсолютным. Ее классик Франц Грильпарцер писал еще в 1837 году: «Если говорить об австрийских писателях в отличие от других, то чем же они от других отличаются? Чем иначе, как не тем, что, как преимущество или недостаток, отличает их от других современных немцев. Это, скорее всего, три свойства — скромность, здравый смысл и искренность чувства»⁴. Как будто бы частные черты, названные Грильпарцером, на самом деле затрагивают коренные свойства австрийской культуры, сохранявшиеся в ней, несмотря на все исторические катастрофы. Эти черты, как и другие не менее важные, укоренены в австрийской действительности⁵.

Зарождение австрийской государственности относится к эпохе Средневековья. Карл Великий, коронованный императором в 800 г. в Риме, добился торжества своей власти и на будущих землях Австрии. В дальнейшем определяющую роль в истории страны сыграли две австрийские династии — Бабенбергов (976—1246) и Габсбургов (1273—1918). Ко временам Бабенбергов относится ранний расцвет австрийской культуры (начало строительства дворца Хофбург в Вене; высший взлет австрийского миннезанга). В 1273 г. немецким королем был избран Рудольф Габсбург. С середины XV в. Габсбурги почти непрерывно владели немецкой имперской короной. В XVI в. к ней была присоединена корона Богемии, а в начале XVIII в. — корона Венгрии. Многонациональная империя Габсбургов, в состав которой в XVI в. входили Богемия, Силезия, часть Венгрии и часть польских, а также южно-славянских, итальянских и других земель, стала в ситуации наступления Османской империи политической опорой Центральной и Юго-Восточной Европы. В 1806 г. на месте изжившей себя Римской империи германской нации была

⁴ *Franz Grillparzer. Worin unterscheiden sich die österreichischen Dichter von den übrigen? // Fr. Grillparzer. Sämtliche Werke. Bd. 3. München, 1964. S. 809.*

⁵ О феномене австрийской литературы в ее связях с австрийской историей писал Д. В. Затонский: *Д. В. Затонский. Австрийская литература в XX столетии. М., 1985. С. 10—114.*

провозглашена Австрийская империя, в 1867 г. превращенная в дуалистическую монархию Австро-Венгрию. Ядром этого государства, его правящим центром оставались западные земли, Цислейтания, заселенная австрийскими немцами, численно, однако, составлявшими меньшинство. Их культура, прославившаяся такими великими именами, как композиторы Моцарт, Гайдн, Шуберт, как долго живший в Вене Брамс, а также Брукнер, Шенберг, Веберн; такими художниками и архитекторами, как Вальдмюллер, Климт, Кокошка, О. Вагнер; такими писателями, как Раймунд, Нестрой, Ленау, Грильпарцер, Штифтер, а за последний век — Гофмансталь, Рильке, Трахль, Музиль, Кафка, Брок, Канетти, Бернхард, Целан, была по сути культурой многонациональной. Австрийским в этой стране стало то, что сумело впитать в себя многоголосие разных культур, духовность многих народов, на земле империи обитавших, а кроме того Италии, северной частью своей недолго входившей в состав австрийских владений, Испании и Франции (через Габсбургов). Австрийским стало то, что вобрало в себя все это и так и жило, проходя через исторические катастрофы от Средневековья до наших дней. Особенностью этой культуры оставалось на протяжении веков не самоутверждение, не закрытость, а, напротив, восприимчивость к культурам других народов.

Несмотря на не угасавшую в стране борьбу чехов, хорватов, русинов, словаков, поляков за свои права и независимость, многонациональная монархия, терявшая одну землю за другой, продолжала свое многовековое существование. Еще и в 1914 г., за четыре года до ее крушения, престарелый император Франц-Иосиф назвал свое обращение к населению страны в связи с начавшейся мировой войной «К моим народам».

Свойственная австрийской культуре открытость проявлялась в разных видах искусств и в разные времена. Венская народная комедия впитаала в себя не только собственную фольклорную традицию, но и опыт итальянской *commedia dell'arte*, и бенедиктинского и иезуитского орденового театра, как и английских бродячих трупп, и испанского театра. В драматургии Грильпарцера, а в XX веке Г. фон Гофмансталя заметно влияние испан-

ского барокко, Кальдерона и Лопе де Вега⁶. История и культура славянских народов отозвались в драме Грильпарцера «Либусса», воссоздавшей мир старинных богемских преданий; Штифтер в романе «Витико» обращается к событиям чешской истории. Действие многих его новелл протекает в лесистых горах Богемии и на степных просторах Венгрии. В музыке Брамса и Малера звучат венгерские и славянские национальные мотивы. Вклад в сокровищницу австрийской культуры, особенно начиная с рубежа XX в., внесли евреи, часто приходившие с окраин империи: Фр. Кафка и Й. Рот, З. Фрейд и Л. Виттгенштейн, Г. Малер и А. Шенберг, А. Шницлер и Э. Канетти. Австрийская культура многоголоса. Но ее собственное воздействие мягко и ненавязчиво. Отсвет «австрийскости» лежит и в XX в. на творчестве итальянского писателя Итало Свево, поляка Бруно Шульца, югославов М. Крлежи и Иво Андрича⁷. Но собственные ее свойства не выявлены, разлиты в ней с той самой скромностью, о которой говорил Грильпарцер. Такой невыявленности способствовал сам характер австрийского самосознания.

«Со времен феодализма, с царства Максимилиана I, через бури Реформации и контрреформации, через турецкую агрессию, наполеоновские войны, через весь XIX в. в австрийских землях сохраняется, изменяясь, сознание порядка, или упорядоченности, которое стало существенным признаком австрийской культуры. Включение человека в осмысленный (угодный Богу) мировой порядок отвечает духу австрийской культуры»⁸. Истоки этого сознания вряд ли уловимы во всей полноте. Его устойчивость, быть может, коренилась в естественных связях с народными основами. Ни в одной другой немецкоязычной культуре не выразилось в такой степени театрально-музыкальное народ-

⁶ См. об этом: К. М. Азадовский. Театр Лопе де Вега и драматургия Грильпарцера // Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена. Т. 362. Л., 1968. С. 283—301.

⁷ Claudio Magris. Der habsburgische Mythos in der österreichischen Literatur. Salzburg, 1963. S. 14.

⁸ Geschichte der Literatur in Österreich von den Anfängen bis zur Gegenwart / Hrsg. von H. Zeman. In 7 Bdn. Bd. 7. S. 650.

ное начало. «Волшебная флейта» Моцарта (1791) — это неповторимое соединение великого оперного искусства и сложных просветительских идей с оперой-сказкой, с распространенной в театрах старой Вены «пьесой с пением» (Alt-Wiener Singspiel), с обязательными в балаганах чудесными превращениями и волшебными зверями. Или другой пример: от Гайдена до Гуго Вольфа композиторами культивировался здесь жанр песни, имевший ясно уловимую народную традицию. А если вернуться к литературе, то тут вплоть до наших дней не обрываются связи с народным барокко (Т. Бернхард), с неисчерпавшим себя традиционным для австрийской культуры вниманием к эмпирике жизни (Хеймито фон Додерер). «Эта веселая ясность, народный дар, эта просветляющая стихия неунывающей общительности — видимо, именно она и отличает прежде всего фольклорное в поэзии от литературного», — писал в 1916 г. Гофмансталь в статье «Австрия в зеркале своей литературы», сравнивая немецкую и австрийскую культуры⁹. Он же, поражаясь отсутствию диалектики в народе, усматривал, однако, в этом «высшую мудрость», ибо: «Жизнь — это полное, без остатка соединение несоединимого»¹⁰. Такое приятие, включение единичного в рамки целого Гофмансталь считал характерной особенностью австрийского отношения к жизни.

На то были и другие исторические и культурные причины.

Более спокойное по сравнению с немецкими княжествами мировосприятие определялось, в частности, тем, что крестьянство в пограничных районах с Портой оставалось в австрийских землях опорой короны в борьбе против турок и пользовалось в связи с этим в отдельных областях некоторыми важными преимуществами. В австрийских землях не было столь разительной пропасти между сословиями, какая отличала, например, Германию. Национальной катастрофой не стала здесь Реформация XVI в., разделившая в германских землях народные массы на приверженцев Т. Мюнцера и М. Лютера.

⁹ Гуго фон Гофмансталь. Избранное. М., 1995. С. 645.

¹⁰ Там же. С. 719, 723.

На другое обстоятельство указывал австрийский писатель рубежа XIX—XX вв. Герман Бар. Бар полагал, что существеннейшую роль в укреплении оптимистического самосознания австрийской нации сыграли бенедиктинские монастыри, воспитывавшие радостное отношение к жизни и труду. «Бенедиктинцы корчевали леса, они научили нас охотиться и рыбачить, пасти, строить дома и разводить виноградники, молиться и думать, и читать, и считать, и писать, праву и нравственности, домашним добродетелям и искусствам, учили переносить горе и праздновать праздники, латыни и греческому, рисовать и сочинять стихи, музицировать и ставить спектакли, они научили нас обходительности разного рода: от придворной до бюргерской...» Но главным было то, что — вопреки сознанию вины за первородный грех, тяготевшему над средневековым сознанием, — бенедиктинцы с присущим им «здравым смыслом» (повторим слова Грильпарцера об австрийском характере) сохраняли веру в угодность человека Богу и «радостную доброту человеческой природы»¹¹. Бенедиктинские монахи стали воспитателями многих писателей, учившихся в их школах (примером может быть Штифтер). Но значение воспитанного ими радостного самосознания отозвалось и в австрийской культуре в целом.

Очевидно, что такое понимание мира рождало особое представление о человеке и его жизненном назначении.

Уже в барочной схоластике заметно характерное для австрийской культуры подчинение страстей и желаний человека всеобъемлющему порядку (*ordo*); субъективность личности оказывается меньше самодостаточной полноты жизни. Это различие сохраняется в австрийской культуре в XIX в., а в сущности — и дальше¹². *Ordo* получает решающее, упорядочивающее

¹¹ *Hermann Bahr. Selbstbildnis // Dichtung aus Österreich. Prosa. Teil 2. Wien und München, 1969. S. 4, 5.*

¹² См. об этом: *Walter Weiss. Thematisierung der «Ordnung» in der österreichischen Literatur // Dauer und Wandel. Aspekte österreichischen Kulturentwicklung / Hrsg. von W. Strolz in Verbindung mit Oskar Schatz. Wien; Freiburg; Basel, 1975.*

значение: трудно достижимая цельность осознается как основополагающая.

Складываются особые отношения между человеком и миром.

Австрийской классике XIX в. не была свойственна та жажда безграничного познания, уравнивавшего человека со всезнанием Бога, которая отличала литературу немецкую. «Австрийский поэт, австрийская классическая литература с Грильпарцером во главе — “скромна”, — повторяет слово австрийского классика А. В. Михайлов. — В то же время немецкий поэт и романтик, И. Гёте, вобравший в себя несколько столетий развития в рамках протестантской традиции, испытывавший все потрясения, связанные с классическим идеализмом Канта, Фихте, Шеллинга, почувствовавший все искушения, связанные с самоутверждением “я”, — он безусловно *нескромн*; что поэт — “второй бог”, было сказано ему еще в XVI столетии, что “я” самодержавно и самовластно утверждает свой мир, было сказано ему теперь и было услышано в словах Фихте; что чувствующему “я” принадлежит весь мир и что мир чувств, мир, преображенный чувством, — единственно подлинный, ценный, твердилось ему не раз, многими и по многим поводам»¹³.

Австрийской литературе чуждо желание гетевского Фауста познать последнюю тайну мироздания: «Daß ich erkenne, was die Welt / Im Innersten zusammenhält». Познанию здесь был традиционно положен некий предел. Ведь и читать Библию в католической стране, в отличие от протестантской, мог только священник. В отличие от гетевского Фауста, по имени которого Шпенглером была названа «фаустовской» целая эпоха культуры, Фауст австрийца Николая Ленау (1836) не задается целью познания тайн мира. Его Фауст автобиографичен, лиричен, хотя драматическая поэма дает и картину широкого разгула зла.

«Необъятное пытаются объять, неисполнимое исполнить, невыразимое — выразить»¹⁴, — эти слова Грильпарцера о немцах

¹³ А. В. Михайлов. Из источника великой культуры // Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX—XX веков в русских переводах. М., 1988. С. 13.

¹⁴ Fr. Grillparzer. Sämtliche Werke / Hrsg. von P. Frank und K. Pörnbacher. München, 1964. Bd. 111, S. 810.

после победы над Наполеоном в 1813 г. отражают и его взгляд на немецкую, прежде всего романтическую, литературу. У австрийского поэта свой способ освоения мира, ему не свойственно преувеличение возможностей художника: каждая частность осторожно встраивается в здание целого. Эта литература не знала ярко проявившего себя романтизма, не знала раздербанной, раздвоенной, скрыто самоуверенной романтической личности. Не знала она и того противостояния романтизма и классики, которое отличало в то же самое время немецкую культуру. В самом литературном развитии, — констатировал А. В. Михайлов, — «над движением, динамикой преобладают устойчивые формы и состояния»¹⁵. Вместо смены художественных направлений и стилей — их сохранение и напластование.

Но нельзя не почувствовать в австрийской культуре и другого, противоположного начала. Под покровом «порядка» тут копится ощущение зыбкости жизни. В литературе австрийского барокко, свободной от всеохватывающего трагизма немецких писателей XVII в., «порядок» подточен скоплением несообразностей. Наиболее впечатляюще это проявляется в прозе выходца из Австрии Иоганна Беера (1655—1700). Неудержимость мысли достигает в его книгах крайних пределов. Герой его знаменитого «Лазарета дураков» (1681) погружается в безликость, в стихийность вещей, «(...) он наглядно и, по описанию, скорее даже физиологически-тактильно демонстрирует смысл бессмысленного, т. е. общую суть вообще всех земных, материальных вещей»¹⁶. Но этого мало. Бееру требуется, чтобы само рассказывание выходило из-под контроля, чтобы писатель мог «плести и нести ахинею»¹⁷. Все это не только характерные черты барочного стиля, но и сигналы иного, не укладывающегося в «порядок» мироощущения в австрийской культуре.

¹⁵ А. В. Михайлов. Указ. соч. С. 15.

¹⁶ А. В. Михайлов. Иоганн Беер и И. А. Гончаров. О некоторых поздних отражениях литературы барокко // А. В. Михайлов. Обратный перевод. М., 2000. С. 386.

¹⁷ Ibid. С. 384.

В XVII в. эмпирика жизни в какой-то момент перестает быть для австрийской литературы хранилищем смысла. Обнаруживается другой полюс существования. В опубликованной в 1670 г. книге Маттиаса Абеле звучит возглас: «Да здравствует беспорядок!», оспаривающий старое доверие к *ordo*¹⁸. Ощущение нетвердости не полностью совпадает тут с общей для барокко идеей преходящести и тщеты. Во многом оно даже более драматично: если для немецкого барокко во всех ситуациях сохранялась вертикаль духа, то для австрийской литературы вместе с доверием к одухотворенности жизни грозит рухнуть сам смысл существования. Нескончаемую вереницу комических историй вытеснили в проповедях венского священника Абрахама из Санкта Клары картины неистовавшей в городе в годы чумы смерти («*Mercks Wienn! Das ist: des Wüthenden Tods umständige Beschreibung*», 1680). В дальнейшем на протяжении веков наметившаяся трещина ощущается как некий не осуществившийся до времени срыв, незримый фон тьмы, прикрытый неколебимой австрийской «умиротворенностью» (*Zufriedenheit*).

Характер австрийской литературы обнаруживает дополнительные связи с австрийской историей.

На 80-е гг. XVIII в. падает недолгий период Просветительства («йозефинизм»), проводившегося Марией-Терезией и Иосифом II сверху — через бюрократический аппарат. Просветительские реформы послужили развитию мануфактурного производства и торговли, ограничили права обложенного налогами дворянства, создали независимое от сословий чиновничество, начали освобождение крестьян. Однако после разгрома Наполеона Венский конгресс 1815 г. и реставрационная политика Меттерниха утвердили старый порядок. При неимевшей политического влияния буржуазии власть опиралась на аристократию и

¹⁸ *Mattias Abele. Vivat oder so genannte künstlerische Unordnung. Nürnberg, 1670.* Проблема беспорядка в австрийской литературе XVII в. посвящена статья Дитера Бройера: *Dieter Breuer. Vivat Unordnung! Die Österreichische Literatur im XVII. Jahrhundert. Orte, Gestalten. Sülwille // Literaturgeschichte Österreichs / Hrsg. H. Zeman. Graz, 1996. S. 221—258.*

чиновничество. Движение вперед застопорилось. Несмотря на произошедшие в 1848 г. изменения, ситуация монархии осознается литературой как «грандиозная статика» (Р. Музиль). Ее герои, глубоко и трагически чувствующие, словно обьяты в конечном итоге странной скованностью.

Именно в XIX в. австрийской классической литературе приписывалась порой некая недостаточность по сравнению с немецкой классикой, с Шиллером и Гёте¹⁹. Драмы Грильпарцера в Германии не раз упрекали в неопределенности замысла и неотточенности языка. На протяжении десятилетий в критике звучало мнение, что Грильпарцер «не дотягивал до Шиллера»²⁰.

Стоит остановиться на этом недоразумении: в нем таится непонимание самых основ австрийской культуры.

В 1816 г. Грильпарцер написал трагедию «Праматерь», опубликованную в 1817 г. и почти через сто лет, в 1907 г., переведенную у нас Александром Блоком²¹. Требуется внимания и другое обстоятельство: главный герой Грильпарцера — разбойник; еще одна пьеса о разбойниках была написана в 1781 г. Фр. Шиллером. Помимо выбора героя «Праматерь» Грильпарцера содержала и другие аналогии с «Разбойниками» Шиллера: ее тра-

¹⁹ Факт превосходства Шиллера над Грильпарцером в сознании немецких читателей иронически зафиксирован в романе Т. Фонтане «Штехлин»: сын героя приписывает трагедию Грильпарцера «Волны любви и моря» Шиллеру, именую ее, не задумываясь, «Геро и Леандр» — по балладе немецкого классика.

²⁰ Это мнение разделял и такой авторитет, как Фр. Гундольф, сравнивавший Грильпарцера со «штюрмерами» и Гёте и на этом основании утверждавший недостатки языка австрийского классика: «Ohne Macht, Wucht und Glanz, lahm, verdrießlich und heiser». Fr. Gundolf. «Franz Grillparzer» // *Jahrbuch des freien deutschen Hochstifts*. Frankfurt am Main, 1931. S. 77. Известную параллель эта мысль находит в чрезвычайно низкой оценке австрийского Просвещения по сравнению с Просвещением в Германии. См об этом: Norbert Christian Wolf. Für eine Literaturgeschichte der österreichischen Aufklärung. Überlegungen zu einem immer noch vernachlässigten Thema // *Austriaca*. Juin, 1997. № 44. P. 95—125.

²¹ Подробный разбор этой пьесы в сопоставлении с интересом к ней Блока дан в главе «Грильпарцер и русский символизм».

гической коллизией также было отцеубийство, большую роль играли заблуждения и роковые тайны, благодаря чему пьесу часто называли, к неудовольствию автора, «драмой рока»; протагонист и тут и там — человек, лишившийся своей среды, поневоле ставший разбойником. Молодой Грильпарцер восторженно почитал Шиллера. Однако какая разительная разница в замысле и осуществлении!

По сравнению с шиллеровским Карлом Моором герой Грильпарцера гораздо менее ясен. Разбойники здесь — не защитники нищих и угнетенных, а социальное зло. Перед нами будто герой другого времени или — будем вести свою тему — герой другой литературы, лишенный многих обязательных свойств героического характера, человек с разорванным сознанием. Сама возможность выбора тут иллюзорна. Герой Грильпарцера занимает положение «между»: он преступник и жертва одновременно. Вопрос о законе и свободе, обсуждавшийся у Шиллера с риторической силой и убедительностью, у Гильпарцера оставлен без последней ясности. Пьеса написана о ситуации «застоя». Композиция стягивает в один узел то, что казалось несовместимым и все же соединяется.

Рискну утверждать, что опыт австрийской классики и, прежде всего, Грильпарцера, то мастерство, с которым не только в ранней «Праматери», но и во всем его творчестве передается зыбкость ситуации и положения человека, многосторонность и сложность конфликтов, предчувствие обрыва и конца, с убеждающей силой вновь реализовали себя в австрийской литературе в эпоху символизма и модерна, когда подобное мироощущение утвердилось самой действительностью и блестящим образом проявило себя в творчестве Гофмансталя и Шаукаля, Шницлера и Тракля, Бара и Цвейга.

В будущем находит претворение и другая основополагающая черта австрийской литературы, существенно отличающая ее от немецкой, — приверженность эмпирике жизни, «вещи».

Немецкая литература устремлялась ввысь — к символическим смыслам вещей и предметов. «Над немецкими писателями тяготела могучая и блестяще представленная в философии и ли-

тературе традиция размежевания двух начал — материального и духовного — и снятия материального духовным в рамках одной мировой системы, в окончательном смысле бытия»²². Трудным было само отношение между всеобщностью содержания и необходимостью его пластического конкретного, «конечного» воплощения. Характерной особенностью этой литературы в две первые трети XIX в. была бедность жизненной конкретности.

Австрийская культура, как по-своему и русская, гораздо доверчивее к миру. Смысл не был здесь прерогативой человека и духа, не приносился одухотворенной личностью в природу — он светился в самой жизни, был разлит в действительности, нуждавшейся поэтому в постижении. Австрийская литература не отрывает чувственное мировосприятие от усилий постигающего разума — одно естественно слито тут с другим. В эпохе барокко, имевшей огромное значение как для немецкой, так и для австрийской культуры, обе культуры восприняли разное: как будто в барочных эмблемах были разъяты и в дальнейшем нашли продолжение в Австрии — привязанность к изображавшемуся на эмблемах предмету, в Германии — к взлету ввысь, выраженному в слове.

Для немецкой классики огромную роль играла опиравшаяся на философию Канта мысль о глубоком различии мира явлений и «вещей в себе». «Так как все наше познание, от созерцания до разума, состоит из самоуправной выработки чувственных данных, мир нашего сознания не является истинным миром», — писал о главных идеях этой философии, воспринятых и переработанных немецкой литературой в эпоху Гёте, еще Г. А. Корф²³. Эта ситуация критически прокомментирована с австрийской стороны в статье Гофмансталя о знаменитом венском драматурге, «сыне своего народа» Фердинанде Раймунде, радостно творившем как раз в тот момент, когда в Германии «(...) учение Канта и Фихте, растворявшее все сущностное и духовное в не-

²² А. В. Михайлов. Варианты эпического стиля в литературах Австрии и Германии // А. В. Михайлов. Языки культуры. М., 1997. С. 340.

²³ H. A. Korff. Geist der Goethezeit. Teil II. Klassik. 4, durchgesehene Auflage. Leipzig, 1957. S. 89.

“я”, достигло своего апогея, и целое молодое поколение с Генрихом фон Клейстом во главе спешило отпить из этой “чаши уничтожения”!»²⁴. «Чаша уничтожения» обошла стороной австрийскую литературу.

Но по крайней мере одна фигура из эпохи немецкой классики имела для австрийских писателей огромное значение. На поклон к Гёте в Веймар ездил Грильпарцер. О Гёте (наряду с Жан Полем) с преклонением писал Штифтер, считавший себя «хотя и не Гёте, но одним из его родни», сохранивший верность ему и в те годы, когда «эпоха Гёте» для немецкой литературы кончилась²⁵. Штифтеру близка гетевская идея постепенного развития и творчества как органического роста; от классика Гёте у Штифтера — духовная высота и принцип меры, усмиряющий человеческие страсти, как и неустанная бодрая деятельность штифтеровских героев, и опора на живую античность как источник собственной эстетики. Однако еще важнее другое. Перед австрийскими классиками XIX в. стояла задача одухотворения зримого мира при сохранении традиционной верности материи жизни. Эта задача в эпоху политической неподвижности и самоудовлетворенности была героической как человечески, так и эстетически. Опора на Гёте была в этом отношении неоценимой. Именно Гёте, открывавшему сущность в самом явлении, неоднократно варьировавшему формулу «что внутри, то и снаружи», была далека «уничтожительная» сторона философии Канта — идея непознаваемости «вещи в себе». Гётевская вещность созерцаемого образа сближала его с древнегреческой философией и отдаляла от Канта. Эта сторона творчества Гёте была близка самому существу австрийской литературы. «Удивительно представить себе, — продолжал в статье о Раймунде Гуго фон Гофмансталь, — что в тихий кабинет Гёте, куда доносились все веяния эпохи, в одно и то же время проникал и вопль гибели и самоуничтожения, и голос наивной веры — голос поэзии Раймунда»²⁶.

²⁴ Гуго фон Гофмансталь. Избранное. С. 659.

²⁵ Письмо к издателю Хекенасту 13 мая 1854 года, см.: A. Stiffler. Briefe. Ausgewählt von H. Schumacher. Zürich: Manesse-Verlag, 1947. S. 207.

²⁶ Гуго фон Гофмансталь. Указ. соч. С. 659.